

Олег Перов

Вильнюсский университет

Каунасский гуманитарный факультет

Кафедра иностранных языков

Muitinès g. 8, LT-44280, Kaunas, Lietuva

Тел. +370 657 90 504

E-mail: kodex333@yandex.ru

Область научных интересов автора: русская литература XIX и XX веков, история русской культуры, деловой русский язык, лексика русского языка

**«ВЕЛИКИЙ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС» М. ВЕЛЛЕРА:
РУССКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ МИФЫ, ИДЕИ И
АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ**

В данной статье представлен анализ основных идей одного из романов М.Веллера – «Великий последний шанс». Это не только размышление над историческим путем России, особенностями культуры, нюансами цивилизационного кода, традициями и верой русского народа, но и оригинальный авторский взгляд на особенности формирования национально-культурной идентичности, а один из результатов данного процесса – национальные мифы и идеи. Основная интенция – отрицание, опровержение многих национальных мифов: о тяжелой и кровавой истории; о лени и пьянстве; о противостоянии «Восток – Запад»; о миролюбии; о равнодушии остального мира к национальным трагедиям, достижениям и идеям. Далее автор утверждает, что русская национальная идея неpolitкорректна. Главные черты «русской идеи», по мнению автора – социальная справедливость и возмездие для виноватых, что невозможно при современной власти в России. Основные проблемы страны развернуты в ряд: от масштабных до локальных (воровство, олигархия, негативное информационное поле). Основной путь их решения – стремление к социальной справедливости, труд и творчество.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, национальный миф, цивилизационный код, социальная справедливость.

Размышление над судьбой отдельной страны, спецификой ее исторического пути, особенностями культуры, исследование нюансов цивилизационного кода, бытового уклада народа, его традиций и веры – довольно часто являлось многоаспектным

процессом, в котором участвовали представители самых разных областей науки и общественной жизни, в результате появлялась многомерная, рельефная, относительно объективная картина, а в ней сочетались самые разные данные, факты, наблюдения, впечатления, выводы и прогнозы относительно перспектив. Одним из источников создания образа страны и народа может быть представлен процесс осмысления социокультурной идентичности членов некоей общности, объединенной языком, характером управления этой общностью, религией, бытовым укладом и традициями. Логическим следствием поиска оснований для национально-культурной идентичности становятся национальные мифы, а они, выходя за пределы идентифицируемой культуры, подвергаются энтропии, упрощению и закономерно превращаются в набор устойчивых стереотипов, которые легко воспринимаются и усваиваются представителями чужой (но не всегда чуждой) национальной общности.

В течение последних трех веков русская национальная мифология активно втягивалась в самые различные сферы: от науки и искусства до политики, причин военных конфликтов и объяснения особенностей национальных отношений. Особое внимание, разумеется, было уделено этой теме в литературе и произведение М. Веллера «Великий последний шанс», опубликованное в 2005 году, является в определенной степени знаковым. Образ Веллера-автора давно вызывает неоднозначную реакцию не только у читателей и литературных критиков, но и у представителей политического истеблишмента, экономических кругов и общественных деятелей. Поведение и стиль человека, который определенно знает Истину, четко предвидит перспективы развития страны, безапелляционно указывает пути выхода из сложных ситуаций, уверенно говорит о своей идее энергоэволюционизма, как о единственно полной и законченной философской системе современности – все это часто вызывает и удивление, смешанное с раздражением, и восторг от гибкого, яркого, оригинального стиля, и согласие с выводами, рецептами, идеями. Неоднозначность восприятия определяет интонацию отзывов: «Проза М. Веллера производит впечатление выверенности до мельчайших деталей, щепетильной точности в каждой подробности. Автор в военном деле (авиация, баллистика, флот) знает толк, в истории эксперт, и в биологии, и в строительстве узкоколейки не подкачает, одна беда: с одинаково самоуверенным видом заправского знатока Веллер выдает глубокомысленнейшие философские открытия и мелет ерунду» (Бойко 2010: 3). Знание разнообразных сторон жизни может настораживать, с другой стороны – пестрая биография (студент филологического факультета; служба в артиллерийском дивизионе; охотник-промысловик на Таймыре; перегонщик скота в Алтайском крае – всего около 30 профессий) – создает богатый материал для экспозиции разных фактов и наблюдений.

Объектом исследования в статье является отдельная глава книги М. Веллера, которая так и называется – «Национальные мифы»: в ней представлен ряд утверждений, которые, с точки зрения автора, заняли наиболее прочное место в сознании и культуре.

Миф 1. – **«история какой еще страны так многострадальна, как России?»** Автор отвечает следующим образом: «почти любой. Просто чужие страдания нас мало заботят» (Веллер 2005: 140). В кратком историческом экскурсе приведен пример столь любимой отдельным русским сословием Англии. И ряд ее бед: от завоевания Римом до обильных кровопусканий, которые устраивали в Раннем Средневековье племена англов, саксов, данов; захват герцогом Нормандии; Столетняя война; то, что при Генрихе VIII было казнено втрое-вчетверо людей больше, чем при Иване Грозном в России; кроме того – гирлянды повешенных матросов-дезертиров, не желавших воевать во флоте за Ее Величество, десятилетние дети в угольных шахтах. Автор говорит и об ужасах истории, пережитых другими странами, и приходит к выводу, окрашенному неизбежной для его стилистики иронией: «Никогда не знала Россия, слава те Господи, ни таких долгих и жестоких кровопролитий, ни такого зверства нравов, как многострадальная Англия. Россия не пережила страшной чумы XIV века, опустошившей Европу где на треть, а где и на три четверти. Россия не знала ужасов Святой Инквизиции. Россия избежала такой трагедии как религиозные войны по Реформации. И атомные бомбы на нас, как на Японию, не бросали. И на мелкие дребезги, как Германия времен Гете, мы не рассыпались. За такую историю свечку благодарственную ставить надо и за доброту и милость благодарить (Веллер 2005: 141-142). Разумеется, принцип аналогии далеко не новый и не всегда объективный, но многое познается именно в сравнении и при взвешенном и спокойном взгляде на историю страны (пусть и с примесью оптимизма) - можно прийти к выводу, что тяжелых и трагических моментов было сравнительно немного, во всяком случае, очередной кризис или испытание часто давали импульс для очищения и развития, для возникновения новых форм общественного устройства, а это подготавливало почву для цивилизационного прорыва и новых культурных достижений.

Миф 2 – **«Мы – самый талантливый народ в мире.** Просто зажимали всю дорогу и ходу не давали талантливым людям, хотя некоторые пробились» (Веллер 2005: 143). Далее идет привычное для русского дискурса перечисление, в котором элегантно смешаны Менделеев, Мечников, первый спутник, Циолковский, Нобелевские лауреаты, автомат Калашникова, Толстой и балет. Панорамный взгляд на историю изобретений, по мнению Веллера, показывает следующее: больше всего сделали англичане (шотландцы, ирландцы), также американцы. В области техники масса немцев, французов и итальянцев тоже хватает. «Автомобиль построили Бенц и Даймлер, самолет – Райты. Телефоны везде

ставили системы Белла, танки запустили англичане, воздушный шар придумали французы равно как и кино. И вкручивали лампочку Эдисона, и лечились пенициллином Флеминга, и стерилизовали продукты по методу Пастера» (Веллер 2005: 143–144).

Это вполне естественно и исторически обусловлено двумя причинами. Беглый взгляд на историю России и особенности развития ее культуры и науки дает следующую картину: во-первых, необходимо помнить, когда в России, по сравнению с Западной Европой, появились первые университеты, а значит – интеллектуальная, научная и материальная база для открытий в разных областях науки. Во-вторых, в России, в отличие от Западной Европы, не было возможности использовать тот цивилизационный опыт, который накопили не только античная Греция и Древний Рим, но и более ранние государственные образования. А влияние общественно-политической модели государства и потока Истории – вообще отдельный вопрос. Россия, по мнению автора, все равно занимает достойное место по вкладу в историю изобретений и значимости искусства благодаря хотя бы нескольким эмблематичным фигурам: Толстой, Достоевский, Чехов, Чайковский, Менделеев, Циолковский, без сомнения – русский космос и авиация. «Чем присутствуем мы на пиру великих мира сего? Менделеев (вспомните фамилию – вы уверены, что он был этнический славянин?). Толстой, Достоевский, Чехов. Чайковский. Т-34. Спутник. Гагарин. Калашников. Балет. Т-72, МИГи и СУ. Господа. Это как раз позволяет России занимать по, как бы сказать, суммарной массе гениев своих положение среднее между державами и народами великими – с точки зрения открытий и изобретений – и народами малозначительными. После англичан, немцев, французов, итальянцев – но впереди чехов, испанцев, шведов. Прилично, но не надо задыхаться от восторга самонаилучшести» (Веллер 2005: 144).

Поэтому не следует впадать в другую крайность, которая представлена в мифе 3: **«Русские склонны к разгильдяйству, беспечности и пьянству, способны к авралам, но не к постоянному упорному труду»** (Веллер 2005: 144). В данном случае просто достаточно беглого взгляда на историю и неторопливого разворота географической карты. Безусловно, для расширения и удержания такого пространства нужна энергия, уверенность, конкретные цели, определенное видение будущего, готовность к тому, что в Европе, в принципе, забыто – к самопожертвованию. Древний Рим, даже в период упадка, еще долго держался благодаря своей доблести (гражданской и военной), что тогда говорить о силах и энергиях, которые объединяли земли вокруг России. Это и влияние определенного человеческого типа, о чем автор говорит в следующей форме: «Разгильдяи не могут освоить территорию от Волги до Аляски. Не могут завалить зерном за границу, как было в начале XX века. Вообще не могут создать огромное и могучее государство.

Господа, ну что за нонсенс: беспечные поддающие разгильдяи создали СССР, перед которым трепетал весь мир. Русские за границей, хоть в каком поколении – и не алкоголики, и не авральщики, и пашут, и о завтрашнем дне заботятся» (Веллер 2005: 144–145). Об истоках русского самобичевания можно говорить долго, но как один из типичных примеров можно вспомнить несколько пассажей из известных «Опавших листьев» русского писателя и философа В. Розанова, созданных более 100 лет назад: «Вечно мечтает и всегда одна мысль: как бы уклониться от работы. (о русских)» (Розанов 1990: 31). Или: «Сам я постоянно ругаю русских. Даже почти только и делаю, что ругаю их. Но почему я ненавижу каждого, кто тоже их ругает?» (Розанов 1990: 48). А также: «Русский «мечтатель» и существует для разговоров. А для чего же он существует? Не для дела же?» (Розанов 1990: 112).

В дальнейшем Веллер переходит к вечному, неизбежному противостоянию, которое формировалось постепенно, пока не приняло устойчивые формы на разных уровнях: геополитическом, культурном, цивилизационном, религиозном, этическом. Проблеме «Восток – Запад» посвящено большое количество работ, исследований; выводы – то пересекаются, то носят противоречивый характер, зависит это от времени, ситуации и личных предпочтений того, кто их озвучивает. Но мотив перманентного противостояния в большинстве случаев является доминантой, которую автор пытается подвергнуть сомнению в мифе 4 (**«Запад враждебен России, вечно пытается ее вытеснить, ослабить и разломать»**) и объясняет, по каким причинам это делает. «Первое – никакого единого «Запада» не существует, на самом деле там свои страшные разницы и противоречия. Немцы и французы между собой враждуют издавна и за 1000 лет после распада империи Карла Великого, воевали между собой множество раз. Англичане с французами воевали просто веками, аж Столетнюю войну устроили. Испанцы веками резались с французами, голландцами, англичанами. Так что «Запад» – это разные страны, всю дорогу воевавшие друг с другом, отбивавшие друг у друга куски...» (Веллер 2005: 145–146). Изначальным мотивом в отношениях все равно является понятие выгоды, соотношение интересов рождает временные союзы, сотрудничество или соперничество обусловлено рядом геополитических факторов и каждый больше всего занят собственными проблемами: «У России голова больше занята собственными проблемами. Почему у других должно быть иначе? Если Россия не собирается ни на кого нападать – что, Запад населен идиотами, и эти идиоты построили цивилизацию, и теперь заболели шизофренией (всегда болели) и хотят из сумасшествия уничтожить Россию?» (Веллер 2005: 146).

Еще одна историческая, бытийная, тема представлена в мифе 5: **«Русские – миролюбивый народ, на нас всю историю все нападают»** (Веллер 2005: 149). Тех, кто аргументированно излагал другую точку зрения – часто подвергали временной обструкции. Хотя они объясняли, что пацифизм – никудышный инструмент для построения исторически-значимого государства. Экспансия не является недостатком, она – неизбежная часть формирования и кристаллизации государства, элемент бытия, что и доказывает такой красивый и строгий жанр древнерусской литературы, как воинские повести. М. Веллер задает вопрос о миролюбии и дает ответ с беглым упоминанием исторических фактов и выводом – почему это закономерно. «Может ли миролюбивый народ построить гигантскую империю? Ведь она сколачивается оружием. Миролюбивые русские добрались до Японии и ее владений, у нее под боком, на Тихоокеанском побережье. Вышибли шведов с Финского залива. Перевалили Кавказский хребет и вломили туркам. Следили войска в Китай, Корею, Афганистан. Веками ввязывались в европейские распри. Миролюбив только тот народ, которому в войне ничего не светит. Вот к чему сводятся все социопсихологические выкладки насчет «этнологической агрессивности» (Веллер 2005: 149).

Подобные соображения автора сразу вызвали водопад адресованных ему обвинений – в милитаризме, шовинизме и этатизме. По их количеству М. Веллера опережает разве что А. Проханов. В сфере общественной мысли основной трагический пафос вкладывается в период первой половины XX века, когда русские только перевели дыхание после Первой Мировой войны, революций, репрессий, коллективизации и индустриализации, едва пришли в себя после второй Мировой войны, восстановили страну и создали основу для промышленных, научных и культурных достижений, перенесли потрясения распада СССР, выстроили внутригосударственную структуру по-иному (хоть этот вопрос и является полем для активной дискуссии, Большинство сегодня стремится к элементарному бытовому благополучию и социальной стабильности, а М. Веллер неприлично намекает, что «во славу Империи» все же надо будет сражаться, хотя бы для сохранения того, что есть.

Почти сто лет прошло с того времени как Освальд Шпенглер опубликовал свой знаменитый труд «Закат Европы», в котором развернуто и обоснованно представил причины, ход и последствия процесса социальной энтропии отдельных государств и их сообществ. Что характерно – он писал не о своем времени (а в 1918 году поводов для этого было более чем достаточно), а о нашем, о том, что наступит после 2000 года. Если в максимально конкретной форме изложить причины распада европейской цивилизации, самые типичные признаки этого выглядят так: атеизм, материализм, отказ от экспансии

(то есть, от возможных жертв и материальных потерь, но и от побед, достижений – тоже), преклонение перед техникой; нивелирование отдельной личности для удобства управления массами. М. Веллер в своей иронично-экспрессивной манере иллюстрирует эти тезисы в рамках собственных публицистических рассуждений.

И наконец – миф 6: **«Мы никому в мире не нужны»**. Здесь следует заплакать и перестать употреблять косметику. А кто кому в мире нужен?! А нам кто нужен?! Нам нужны рынки, чтобы свое сырье и вообще все, что можно, сбывать. В идеале мы бы хотели, чтобы Россия была в мире самой могучей, богатой и влиятельной. Того же хотят США, Китай, Европа, Исламский Восток. Законы существования прагматичны» (Веллер 2005: 150). Поэтому отношения между государствами, если они претендуют на взвешенность и перспективу – строятся не на симпатиях-антипатиях, а на целесообразности, рационализме и четком понимании взаимных потребностей.

Национальная идея, как цель, предмет изучения – всегда вызывала острый интерес, сплетение различных точек зрения, претерпевала метаморфозы в конкретных отрезках Истории и социальных обстоятельствах. Спокойный и конкретный взгляд на историю вопроса показывает процесс ее кристаллизации, который сопровождался важными историческими событиями, культурным поиском, религиозной доминантой, философскими изысками и результатами вдохновения в сфере искусства. Одной из исходных точек принято считать идею – «Москва – Третий Рим», образ православной монархии, который был идеологически обоснован в XVI веке и до сих пор в религиозной публицистике занимает одно из первых мест. Петр Чаадаев в свое время ставил вопрос о своеобразии России и призвании русского народа, но была проблема с формулированием позитивного ответа, несмотря на те варианты, которые предлагали славянофилы. Есть традиционная точка зрения, что термин «русская идея» введен Достоевским (1861) и осмыслен В. Соловьевым (1888). Но ироничекый тон публицистики конца XX века сводится к одному из утверждений: жаль, что автор «Идиота» и «Братьев Карамазовых» не увидел, как лихо развернулся его «народ-богоносец» в первой трети этого же века. Итак, предварительные соображения и поиски русской идеи сводятся к некоему «замыслу Божию о России», то есть, о священной предназначенности русского народа и государства. Впрочем, истоки этого вывода многие философы и культурологи усматривают в определенном влиянии так называемого иудейского мессианизма. Однако, если обратиться к более реальным и земным воплощения русской национальной идеи, то можно вспомнить имя сподвижника императрицы Елизаветы, одного из самых просвещенных людей своего времени, Ивана Шувалова, который почти 250 лет назад обозначил эту идею в одном словосочетании: «о сбережении народа». Очень странная

мысль для XVIII века, который особым гуманизмом не отличался. Эти же слова в XX веке повторит А. Солженицын. Разумеется, никак нельзя обойти и «Православие, самодержавие, народность», которые нисколько не помешали обвалу государства и жестокому внутриобщественному конфликту в начале XX века.

Два признака русской национальной идеи всегда занимали одно из важнейших мест: соборность и универсализм. То есть, приоритет совместных действий – в труде, созидании, и – в беде, на войне. И универсализм, когда «русский» это понятие не крови и происхождения, а по принадлежности к языку, культуре, русскому пространству, в котором этот человек живет, работает, растит детей, творит и сражается, проникается его особыми энергиями.

М. Веллер в своем рассуждении о русской национальной идее опирается на ее наиболее типичные, для его уровня осмысления, черты. Ряд теоретических предпосылок, создающих основу для формирования этой идеи, выглядит следующим образом: во-первых, национальная идея неполиткорректна (эта дефиниция автора является причиной для спора, потому что он употребляет понятие «политкорректность» в том значении, которое удобно именно ему); во-вторых, это проекция национальной задачи на национальное самосознание; в-третьих, национальная идея противоречит либерализму и направлена на благо и величие народа. Результат соображений предстает в таком виде: «Национальная идея сегодня – социальная справедливость и месть виноватым. Также – справедливое величие России. И будет эта идея включать в себя идею силы, идею самостоятельности, идею неподражательности, идею уверенности в себе, идею нравственной стойкости. Империя, нетерпимость и жажда власти – никуда она не денется без этих элементов. Потому что вегетерианцы в истории не выживают» (Веллер 2005: 164). Вполне вероятно, что автор в своем выводе учитывает два фундаментальных и очень сильных социальных запроса, которые определенно влияют на сознание общества: социальная справедливость и неизбежное возмездие для преступников. Ряд историков, социологов, философов сразу может усмотреть в этом апелляцию к такому способу трансформации социальных отношений, как революция. И напомнить, что перечисленные автором интенции лежали в основе – что Великой Французской Революции, что русской, что кубинской, где результат один: диктатура. Но это не должно смущать автора, потому что он сам радостно сообщает, что ограниченная по времени диктатура – лучший способ лечения паралича власти. Логический результат артикуляции подобных мыслей – обвинения в шовинизме и ожесточенном империализме. Впрочем, странно было бы думать, что М. Веллер с учетом своего опыта, идеологических установок, художественных принципов и взгляда на историю, станет описывать национальную идею

в духе тех людей, которые формулировали ее практически 100 лет назад. Например, И. Ильин, который говорил о чувственной природе энергий, создающих русскую идею, так: «Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизационные суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) сами по себе ему мало свойственны. Без любви он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура» (Ильин 2008: 2). Любовь и сочувствие, а с другой стороны – ярость и нетерпимость – диаметрально противоположны, но находятся в одной понятийной структуре и действуют в разных сегментах общественной жизни, вопрос в том, какой энергией обладают – деконструктивной или творческой.

Проблемы страны в видении автора развернуты в ряд от масштабных до локальных, но не менее для него важных. В главе под названием «Государство и воровство» есть попытка определения механизмов социальной саморегуляции, объяснение неизбежности такого явления, как хищение, – человеческой природой, когда для крупных людей мораль не существует, а есть искушение присваивать, владеть и управлять. Неизбежный экскурс от древнеримских полководцев до современной ситуации. Есть сила, объединяющая пространства в страну и эгоистичные желания, разрушающие ее, что рождает тревожащее автора сравнение: «Когда все завоевано, создано и организовано, то встает вопрос: «А чего ради не воровать?» И энергичная верхушка всю свою деятельность реально, системно направляет на расхищение государства. Спарта. Вавилон. Рим. Византия. Россия?» (Веллер 2005: 45).

В другой главе с «оптимистичным» названием, «Русский олигарх: трупоед», автор с помощью нехитрой системы фактов и доказательств озвучивает очевидные для большинства выводы, что этот субъект, не созидатель, а потребитель готового и сущность русской олигархии криминальна. Не оставлены без внимания и «слуги государевы» в главе «Русский дипломат как вредитель», когда образ официального лица лишен государственной мощи и потенции конкретных решений, что оборачивается ослаблением влияния на определенных территориях, ударам по имиджу страны, туманными перспективами. Когда нет энергии для защиты интересов – политика компромиссов приводит к гибели и забвению. Что автор и формулирует в характерной для него форме: «Если вы не хотите воевать за свою землю – скоро даже ваша могила будет в чужой земле» (Веллер 2005: 59).

Отдельная проблема – специфика информационного поля, в котором находится общество, что определено в главе «Разрушительные теленовости». Формирование чувства

неуверенности в будущем, различных фобий, апокалиптического мировоззрения в целом – активно происходит в рамках современного медиа-пространства, одним из сегментов которого является телевидение. Источник бесконечного потока новостей о гибели людей – от руки преступника, на дорогах, от спиртного, после несчастных случаев, терактов и так далее. Наличие информации о катастрофах определяет рейтинг канала и передачи. Указана и другая причина в авторском выводе: «Русское телевидение кормит сведениями о сплошных несчастиях русский народ, формирует у него пессимистическое мировоззрение, пофигизм, неврозы, неуверенность во всем окружающем, мазохистский национальный комплекс – чтобы западный производитель сбывал больше товара на российском рынке. Ну – кого еще сегодня убили? Что сгорело? И немедленно заесть это «Данон» (Веллер 2005: 64).

И наконец – проблема справедливости, как социальной энергии, которую часто не хотят учитывать, что имеет ряд отрицательных последствий. Справедливость является элементом, соединяющим затратную и результативную части действий человека. Она предполагает сбалансированный взгляд на его поступки в обществе, когда он знает, что соответственное воздаяние будет и за достойный, смелый шаг, и за преступление. А если он видит, что происходит «наказание невиновных и награждение непричастных», то его энергия работы в обществе минимизируется, чтобы через какое-то время пойти по другому пути и разрушить подобную систему – или хотя бы ее покинуть. Автор отрицает современные популярные модели общественного устройства, если они не дают реальных позитивных результатов для общества, то есть нарушают принцип справедливости и делает это в такой форме: «Ни демократия, ни диктатура, ни капитализм, ни социализм не самоцель и не панацея. Хорошо и истинно то, что здесь и сейчас позволяет жить лучше – справедливо, обеспеченно и счастливо. Все остальное – демагогия негодяев» (Веллер 2005: 71).

В заключение можно сказать, что внешняя эклектика, которой, на первый взгляд, отличается это произведение – подчинена рефлексии о специфике формирования нации, происхождении власти и государства, его особенностях, проблемах и перспективах. Автор идентифицирует себя не только как писателя, но и участника общественных столкновений, когда главный критерий – это доверие читателя, а не апелляция к какому-то профессиональному сообществу. Экстремизм и провокационность, обилие социологических выкладок, исторических фактов, афористичность выводов («Когда не за что умирать – нет ради чего и жить»), претензия на знание природы человека и принципов развития (или упадка) общества – все это создает противоречивое впечатление,

которое может послужить читателю основой для самостоятельного осмысления и объективной оценки действительности.

Литература

БОЙКО, М., 2010. *Веллер-свет-наш-Иосифович*. Режим доступа: www.narod.ru (см. 9.05.2015).

ВЕЛЛЕР, М., 2005. *Великий последний шанс*. Москва: АСТ.

ИЛЬИН, И., 2008. *Русская национальная идея*. Режим доступа: www.hronos.ru (см. 9.05.2015).

РОЗАНОВ, В., 1990. *Опавшие листья. Уединенное*. Москва: Политическая литература.

Oleg Perov

Vilnius University, Lithuania

Research interests: Russian literature (XIX and XX c.), history of Russian culture, business Russian, lexicology of the Russian language

M. VELLER'S *THE GREAT LAST CHANCE*: RUSSIAN NATIONAL MYTHS, IDEAS, AND AUTHOR'S VIEW ON THE PROBLEMS

Summary

This article presents the analysis of the main ideas which are reflected in M. Veller's novel *The Great Last Chance*. This is not only a reception of a definite country, a version of her historical way, the demonstration of cultural peculiarities, the own code of civilization, people's traditions and faith, but also an original author's view on the process of self-identification and logical result, i.e., the national myths and ideas. The main intention is to negotiate, refute many national myths: about complicated and bloody history; about laziness and hard drinking; about the opposition of East and West; about the peace-loving nation; about the underestimation from the other world. The author asserts that the Russian national idea is not liberal: the main basis is a national self-identification, the main traits are social justice and retribution for guilty. The main problems of the country are located in a definite range: from the global to the local (stealing, corruption, negative information field). The principal way to solve these problems is to aspire to the social justice, labour, and creative works.

KEY WORDS: culture, national myth, code of civilization, social justice.

Gauta 2014 06 12

Priimta publikuoti 2014 12 12